

Деревня, особенно в советское время, – это хранительница, Берегиня можно сказать русского человека, русского мирозерцания. Город делал, требовал от человека быть советским. Деревня позволяла ему оставаться русским.

Отсюда и здесь – исток деревенской темы Распутина, Белова. Всего лишь «темы», в терминах литературоведения – темы, а не прозы.

И – город. Действительно, Трифонов, а я бы назвал еще Маканина, Нагибина, допустим. Писатели – талантливые, заметные в советском ряду, не менее Распутина и Белова.

Это сегодня я задаюсь вопросом: а руслом русской литературы шла проза Трифонова, Маканина, Нагибина? И не найду ответа. Предположу, что они были писатели советские, в хорошем, народном, но – советского народа, смысле. А Распутин и Белов были писатели русские в советском периоде истории Русской литературы.

Так, не по «городской» и «деревенской» прозе, шло естественное разделение литератур советского периода, а по мирозерцанию.

Какому мирозерцанию? – По русскому, естественно-русскому мирозерцанию и мирозерцанию интернациональному, советскому, скажем так. Уточним – естественно русское мирозерцание органично и с уважением воспринимает иные нации и народы, поэтому и советское, по многим основным критериям, русскому не противоречило и воспринималось русским вполне.

А в России еще и особенность – естественно-русское мирозерцание свойственно не только русскому народу, но каждому народу – жителю Русской земли (см. Энциклопедию «Слова о полку Игореве...» библиотеки ФЭБ), каждой национальности. И любого традиционного вероисповедания – хоть мусульманства, хоть буддизма, хоть иудаизма, даже и – язычества, если оно в традициях народа, народности. Русский язык и русская земля (почва) общие у нас, поэтому и понятия о добре и зле, вере и неверии, справедливости и милосердии – не различаются принципиально у народов – жителей Русской земли. Поэтому, в силу общего мирозерцания, в силу общего ценностного состава души и возможно добрососедство и труд каждого народа, направленный к величию и могуществу общего государства – хоть Российской Империи, хоть РСФСР, что сегодняшней РФ.

Подтвердим мысль о разделении литературы не по тематике «города» и «деревни», а по мирозерцанию на простом примере. Существуй объективно деревенская и городская проза, куда бы мы отнесли удивительного Юрия Казакова и что бы стали делать, например, с Лихоносовым?

Казаков писатель по всем параметрам – городской. Но мирозерцание, естественное русское мирозерцание, позволяет ему открыть вдруг:

«Бунин после большого перерыва был издан у нас в 1956 году. Тогда я и прочел его впервые. Может быть, и не было бы такого потрясения, если бы лет за десять до этого не побывал летом в деревне, на севере Кировской области, где влюбился в эти стародавние избушки. Был я в ту пору двадцатилетним музыкантом и повлекся туда, обуреваемый охотничьей страстью. Вспоминаю, как я ходил-бродил там один с ружьем – наивный, юный, робкий. Никакого во мне неверия тогда не было, была только светлая юношеская вера в будущее (несколько лет спустя я от имени того арбатского мальчика и написал рассказ «Голубое и зеленое»).

Помню, как увидел я идущего по пашне мужика – с коромом на левом боку, с ремнем через правое плечо, – который бросал зерно так, что оно билось о край короба и рассыпалось веером. Мерно шагал он, и в шаг – вжик, вжик – летело зерно... По радио, в фильмах тогда все пели про комбайны, технику и так далее. А тут идет мужик в портках и босиком (ведь то был, кажется, 1947 год).

Об экономических проблемах сельского хозяйства я тогда не думал. И им более я не думал, что стану писателем. Но мне захотелось внимательнее присмотреться к человеку с коромом. И вот, когда десять лет спустя я стал читать Бунина, мне все виделся этот босой мужик, серые избы, слышался вкус хлеба с мякиной».

Вот ведь чем привлек Казакова Бунин! Не литературой, не мастерством – жизнью, бытом, русским бытом в его неунитожжаемой ценности, красоте, первозданности, близости, что ли, к замыслу Творца о русском человеке. Бунин писал жизнь и человека, быт и историю души, и Казаков стал делать ровно это же. Казаков, читая Бунина, не литературу читал, не мастерством восхищался, он – русскую жизнь читал... В этом и есть главная военная тайна (по Аркадию Петровичу Гаидару) Советского Союза – русская жизнь жила в нем, затаенная как дыхание, и русский народ жил... не затаенно, не потаенно, жил как жил, но дышал затаенным дыханием русской жизни, и это было возможно, несмотря на все советское... И, думаю, это было главное, что понял из Бунина Юрий Казаков – «карбатский мальчик» в его автохарактеристике...

«Внимательнее присмотреться к человеку с коромом» – то есть к русскому человеку, прямо на самой земле, поше по живущему, возделывающему эту почву. Отсюда ведь и Белов и Распутин, и вся русская литература советского периода – «внимательнее присмотреться»... И это антигосударственный характер?!

Нет. Напротив. Самый что ни на есть *наигосударственнейший*, в высшей степени то есть, характер.

Присмотреться к человеку и сказать правду о нем, о его болях и бедах, о его радости. Сказать правду – это дело Государственное, дело создающее, а не разрушающее.

Но чтобы было Создание именно – и сама Власть в Государстве должна быть искренне заинтересована в улучшении жизни «человека с коромом». А иначе – да, закроет глаза на такую «неужную» власть правду.

То есть – не «деревенщики» были *антигосударственно* настроены, нет, они говорили правду в заботе о человеке и в заботе о государстве, да только Государство само в таком уже было состоянии, что правда оказалась не востребованной, была названа разрушительной.

А само существо правды – созидательно. Правда не рушит. Правда созидает.

Подтверждаю мою мысль еще одним примером.

Что стало с Маканиным, например, поле того, как ушла из-под его писательских ног советская почва? – Ушел и Маканин, все, что им создано после советского, читать невозможно. Эта же история в поэзии – с Евтушенко. Исчезло советское – не стало Евтушенко. И здесь может быть целый ряд имен, казалось, в советское время состоявшихся как настоящие художники и вдруг потерявших – все.

Но эта печальная участь никак не затронула так называемых «деревенщиков». В мирозерцании они не потеряли ничего, они не были советскими, они были – русскими. Русскими и – остались. С ними остался и Дар Божий.

Следующая горькая мне цитата из интервью Проханова:

«И точно так же, как «Разгром», «Оптимистическая трагедия», «Как закалялась сталь», как Маяковский открывали советский проект,

такие книги, как «Белые одежды», «Дети Арбата», «Архипелаг ГУЛАГ», «Пожар», «Печальный детектив», закрывали советский проект. Все эти книги – и левые, и правые, и демократические, и деревенские – закрывали советскую зру. И мне, человеку литературному, были видны процессы разрушения константы советского строя под напором этих тенденций. Было ещё много и других тенденций, например, национальные тенденции были очень сильны».

Как же так... как же это так?! Поставить «Пожар» Распутина в таком ряду? «Дети Арбата» – это безответственная беллетристика самого низкого пошиба. Говорю так, потому что Рыбаков – советский, но – писатель, вполне владеющий и мастерством, и словом. «Дети Арбата» – это безответственность относительно творческого уровня самого Рыбакова.

«Белые одежды» Дудинцева никак не открывают и не закрывают, просто говорят правду об одном из периодов русской жизни советского периода, свидетельствуют о том, что у человека всегда есть возможность оставаться человеком. И да – за этот выбор приходится платить. – Что здесь антигосударственного?

«Печальный детектив» – это печаль о самом Астафьеве. Гордыня... но кто из нас свободен от

Алексей Смоленцев

Русская литература – зеркало русской жизни

О логике взаимопроникновения литературного и государственного

нее – пусть первый бросит в Астафьева камень... Гордыня сбивает его природное – естественно-русское мирозерцание... и не этим началось, чуть раньше. Вся эта «ловля пескарей», вместо «Царь рыбы»... уже там – потеря любви, заглушающий любовь толк гордыни. В «Печальном детективе» много бытовых, симинутной правды, а правда художественная – так и не состоялась. Здесь грядущая трагедия Астафьева начинает набирать силу. О каком открытии, какого проекта можно здесь говорить? Астафьев сам с собой здесь разобраться не может, до закрытий ли?

А вот огненный воплох Распутинского «Пожара» – он обжигает и жжет художественной правдой! Художественной правдой! А художественная правда не призвана разрушать или закрывать. Она призвана звучать и быть! – предупреждением, диагнозом. «Диагноз», так назовет Валентин Курбатов свою статью о последней (как горько это писать сейчас) повести Валентина Григорьевича Распутина «Дочь Ивана мать Ивана» (2003). – Диагноз. «Пожар» – это диагноз состояния общества и состояния государства. В диагнозе Распутина 1985 года – поровну и беспощадного определения болезни и личной человеческой боли, потому что русский писатель он не врач, не беспристрастный в высоком профессионализме доктор. Русский писатель – часть народного тела, и если тело смертельно больно, то может ли работать против болезни и смерти тела один из членов тела? Грубо звучит «тело народа», но – это тело. Так же, как Православная Церковь – это Тело Христова. Так же и Русское Государство (даже и в советском его состоянии) – это Тело Народа.

Строки «Пожара» написаны кровью изболешшего писательского сердца – кровью народа написаны строки «Пожара»...

Вчитаемся: «Неуютный и неопрятный, и не городского и не деревенского, а бивучного типа был этот поселок, словно кочевали с места на место, остановились переждать непогоду и отдохнуть, да так и застряли. Но застряли в ожидании – когда же последует команда двигаться дальше; и потому – не пуская глубоко корни, не охорашиваясь и не обустриваясь с прицепом на детей и внуков, а лишь бы лето перелетовать, а потом и зиму перезимовать».

Прервемся в цитировании. Я сам в те годы не понял, не почувствовал того, о чем писал Распутин. Перелистал и отмахнулся от «Пожара». Думаю, не я один. Но вот Власть, власть государственная, люди ее составляющие, почему от «Пожара» отмахнулись?

Ведь в строках Распутина пламя страшно гудит, гудит страшное пламя полыхающего уже воюю Пожара.

1985 год! – «застряли в ожидании» – когда же последует команда двигаться дальше»; «чудилось Ивану Петровичу, что это поселок, не глуша мотора, держит себя в постоянной готовности», – говорит Распутин. И это же не публицистика, это художественная, то есть самого земного бытия, правда. Правда русской литературы – безошибочна.

1985 год – предел этого «держания себя в напряжении» исчерпывается, а «команда двигаться дальше» не следует.

Это же прямое свидетельство русской литературы – предупреждение, диагноз. Меры не приняты. И «двигатель» идет разнос.

И в этом виноват русский писатель?!

Потрясающей глубины точность Валентина Распутина, прочтем дальше:

«В пососвете висела схема поселка: прямые улицы, детсад, школа, почта, контора леспрохоза и контора лесхоза, клуб, магазины, гараж, водоканка, пекарня – все, что полагается для нормальной жизни, все, как у людей. Улицы действительно были прямые и широкие, в свое время линию, по которой выстраивались избы, соблюдали строго. Но в том и остался весь порядок: эти широкие не-деревенские улицы разбиты были тяжелой техникой до какого-то неземного беспорядка, летом лесовозы и трактора намешивали на них в ненасть грязь до черно-метанной пены, которая тяжельми волнами расхлослась на стороны и волнами потом засыхала, превращаясь в каменные гряды, а для стариков – в неоходимые горы. Каждый год пососвет собирал по рублю со двора на тротуары, каждый год их настилали, но не наступала весна, когда надо подвозить дрова, и от тротуаров, по которым волочили и на которые накапывали кряжи, оставались одни щепки».

1985 год! – Схема... От Советской власти осталась лишь схема. Задумано было и внешне выглядело – «все, что полагается для нормальной жизни, все, как у людей». На деле все общественная и хозяйственная жизнь СССР повторяла то, о чем говорит Распутин. Вот – возможности русской прозы! Глубина символа – вровень самой жизни. Вот она – правда жизни, запечатленная художественной правдой.

Русские писатели, писатели русской литературы советского периода до конца со своим народом и со своим Государством остались.

Прочтитурую Василия Ивановича Белова, но прочтитурую в контексте родственных нашей теме размышлений Николая Дорошенко в его статье, посвященной юбилею Белова (2017 год).

Николай Дорошенко:

«И подводя итог, я повторяю здесь в том, что заявленная в финале романа «Тихий Дон» шолоховская тревога за русского человека, такого, каким он является внутри себя, оказалась в основе новые позиции советских почвенников, что Почвой для почвенников являлся и сам Василий Иванович Белов, и что будь их тревога услышанной властью, история государства советского или даже и постсоветского могла бы вполне блистательно продолжиться.

Но, как известно, власть в лице Горбачева и его сподвижников, не найдя убедительных аргументов

для спора с почвенниками, советский проект просто закрыла.

То есть противостояние нашим почвенникам со стороны власти оказалось даже и не политическим, а видовым – в самом что ни на есть зоологическом значении этого слова. А поскольку в междовидов противостояниях всё подчиняется не убеждениям, а зову желудочного сока, то даже и писательской среде бывшие коммунисты-ортодоксы в постсоветский период все оказались сплошь антикоммунистами и русофобами, и даже создали свои, альтернативные Союзу писателей России, творческие организации.

И бесконечно родным по результатам этой междовидовой борьбы второй половины прошлого века остается для нас Василий Иванович Белов.

Соломоновым судом (это когда двум женщинам, каждая из которых претендовала быть матерью некоего ребенка, царь Соломон, дабы понять, кто из них является настоящей матерью, предложил разорбить ребенка пополам) судил себя Василий Иванович в самом конце своей творческой жизни. Вот его трагический приговор самому себе:

«Советская власть была нормальная власть, даже сталинская власть; и народ к ней приспособился. А потом началась ненормальная власть, которой народ просто не нужен. Советская власть была создана и Лениным, и Сталиным, и даже

переступила, а часть еще нет, но все направлены в одну сторону – к добру. И с каждым поколением число переступивших увеличивается.

Что затем произошло, понять нельзя. Кто напугал их, уже переступивших черту и вкусивших добра, почему они повернули назад? Не сразу и не валом, но повернули. Движение через черту делало двусторонним, люди принялись прогуливать-ся туда и обратно, по-приятельски пристраиваясь то к одной компании, то к другой, и растерли, затоптали разделяющую границу. Добро и зло перемешались. Добро в чистом виде превратилось в слабость, зло – в силу.

(...) В долгих и обрывистых раздумьях перебирая жизнь во всем ее раскладе и обороте, пришел Иван Петрович к одному итогу. Чтобы человеку чувствовать себя в жизни сносно, нужно быть дома. Вот: дома. Поперед всего – дома, а не на постое, в себе, в своем собственном внутреннем хозяйстве, где все имеет определенное, изданная заведенное место и службж. Затем дома – в избе, на квартире, откуда с одной стороны уходилиш на работу, и с другой – в себя. И дома – на родной земле.

И нигде не получалось у него быть дома. На земле – что не затоплено, то опорожнено лесозаготовками, и ни заботы этой земле, ни привета. В себе полный тарарам, как на разбитом и перево-

рошенном возу. А коль нет приюта ни там, ни там, не будет его, как ни старайся, и посредине».

Вот здесь и повторим тезис Николая Дорошенко: «шолоховская тревога за русского человека, такого, каким он является внутри себя, оказалась в основе позиции советских почвенников (...) будь их тревога услышанной властью, история государства советского или даже и постсоветского могла бы вполне блистательно продолжиться».

«Добро и зло перемешались», «В себе полный тарарам, как на разбитом и переворошенном возу» – вот где настоящий пожар по Распутину.

Отметим еще, что сам Белов определяет свою и друзей-писателей работу как в итоге – разрушительно: «Нет и советской власти. Я понимаю, что и я приложил руку к ее уничтожению своими писаниями, своими радикальными призывами. Надо признать. Я помню, как постоянно воевал с ней. И все мои друзья-писатели. И опять мне стыдно за свою деятельность: вроде и прав был в своих словах, но государство-то разрушили. И беда пришла еще большая. Как не стыдиться?» (завершим словами Василия Белова цитату Николая Дорошенко).

Выходит, Проханов – прав. И с чем же тогда я спорю, за какие смыслы воюю?

Дело в том, что опорные (несущие) явления естественно-русского мирозерцания – Православие и Русская литература, осуществление этих понятий в жизни русского человека – есть дело не только человеческое, но и Божие.

Человек должен спрашивать с себя высшей мерой, для этого человеку свыше даны стыд и совесть. И мы видим, насколько совестили Белов – он не щадит себя.

Но одно дело – необходимый спрос с себя за свои слова и поступки; другое дело – «Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис. 55:9).

Из этого вывод: если русский писатель живет и работает по совести, ищет правду бытия и воплощает ее в художественной правде текста, то содержание его трудов и его жизни может открывать гораздо большее, чем он сам по-человечески вкладывал в свое творчество, и иное от того, как он сам определял свою ответственность перед жизнью.

Продолжим «Пожар» Валентина Распутина: «И голо, вызывающее открыто, слепо и стыло стоял поселок: редко в каком палисаднике теплила душу и глаз березка или рябинка. Те же самые люди, которые в своих старых деревнях, откуда они сюда съехались, и жизни не могли представить себе без зелени под окнами, здесь и палисадники не выставляли. И улица ревела и смотрела в стекла без всякой запинки. И тоже никакие постановления об озеленении толку не давали. Или уж верно: вырубая каждый год сотни гектаров тайги, распашивая налево и направо огромные просторы, не с руки и не с души прикрываться кустом черемухи от сквозного ветра и сквозного вида. Чем живем...»

Одно слово: леспрохоз – промышленные заготовки леса. Этим многое из непорядка и неурядиства в устройстве и объясняется. Лес вырубать – не хлеб сеять, когда одни и те же работы и заботы из сезона в сезон повторяются, и сколько ни живи, все будет для хлебоборного дела малым».

Вновь сквозной символ. 1985 год. – Нечем «душу теплить» было человеку, хоть русскому, хоть советскому. А то, чем и можно было бы теплить, – «не с души» было, не спасало уже, спасти не могло.

«Хлебоборное дело» – и в прямом смысле, и в глубочайшем бытийном символе было утеряно Советским государством.

А ведь не поздно было еще в 1985 году, не после времени Распутин «очнулся», нет, самое время ухватил – начало Пожара.

Не прочли, не поняли, а те, кто понял, своей свободой выбора по-своему распорядились.

Я сознательно не вхожу сейчас в жизненные бытийные глубины повести Валентина Распутина. Перечитайте, что потрясающая душа проза, все глубины которой только сейчас проявляются. Могли бы проявляться, да мы – общество – читать и понимать, думать разучились.

Главное свидетельство «Пожара» – русский советский человек потерял себя, опору потерял в себе. Русскому советскому человеку нечем стало жить в своем советском государстве.

И опять Распутин, «Пожар»: «Если бы удалось между добром и злом провести черту, то вышло бы, что часть людей эту черту

история и наш народ. До сих пор многие темы, посвященные нашему национальному прошлому, остаются запретными. Чрезвычайно трудно, а часто невозможно устроить выставку русского художника патристического направления, работающего в традициях русской реалистической школы. В то же время одна за одной организуются массовые выставки так называемого «авангарда», который не имеет ничего общего с традициями русской культуры, с ее патристическим пафосом. Несмотря на правительственные постановления, продолжается уничтожение русских архитектурных памятников. Реставрация памятников русской архитектуры ведется крайне медленно и очень часто с сознательным искажением их изначального облика.

В свете всего сказанного становится очевидной необходимостью еще раз поставить вопрос о более активной защите русской национальной культуры от антипатристических, антисоциалистических сил, правильном освещении ее истории в печати, кино и телевидении, раскрытии ее прогрессивного характера, исторической роли в создании, укреплении и развитии русского государства. Безотлагательным вопросом является создание журнала, посвященного проблемам национальной русской культуры («Русская культура»). Подобные журналы издаются во всех союзных республиках, кроме РСФСР.

Надо рассмотреть вопрос о создании музея русского быта. Для более широкого и детального рассмотрения всего комплекса вопросов русской культуры следовало бы, как представляется, создать авторитетную комиссию, состоящую из видных деятелей русской культуры, писателей, художников, архитекторов, поэтов, представителей Министерства культуры Российской Федерации, ученых – историков, филологов, философов, экономистов, социологов, которая должна разработать соответствующие рекомендации и план конкретной работы, рассчитанной на ряд лет.

Дорогой Леонид Ильич! Мы многое сделали для разработки конкретного плана подъема экономики нечерноземной зоны Российской Федерации, то есть тех районов, которые составляют изначальное историческое ядро России. Приятно отметить, что этот план встретил всеобщее одобрение и в настоящее время успешно претворяется в жизнь.

Деятели русской культуры, весь советский народ были бы Вам бесконечно благодарны за конструктивные усилия, направленные на защиту и дальнейшее развитие великого духовного богатства русского народа, являющегося великим завоеванием социализма, всего человечества.

С глубоким уважением М.Шолохов».

Резолюция Брежнева – «рассмотреть с последующим рассмотрением на ПБ <Политбюро>». И ведь не рассмотрели. Но русская литература – свой государственный, свой созидательный, свой – свидетельствовать правду – долг выполнила полностью.

«Атака на русское» по Шолохову – это атака на «советское». Вот, где зерно истины. Советское стояло и держалось на русском, живо было советское только тем, что русское мирозерцание смирилось с советским, восприняло его, как и ущербное, но свое. По точному чувству Белова народ к советской власти – приспособился. Шолохов более категоричен: «И все это делается ради того, чтобы, во-первых, доказать, что социализм в нашей стране – это, якобы, социализм «с нечеловеческим лицом», созданный варварами и для варваров, и, во-вторых, что этот социализм не имеет будущего, так как его гибель предопределена национальной неполноценностью русского народа – ведущей силы Советского государства».

Важнее важно обратить внимание на то, что Шолохов настаивает не только на укреплении русской составляющей в советской культуре. Нет. Мысль Шолохова глубже, почвенней: «Надо рассмотреть вопрос о создании музея русского быта (...) создать авторитетную комиссию, состоящую из видных деятелей русской культуры, писателей, художников, архитекторов, поэтов, представителей Министерства культуры Российской Федерации, ученых – историков, филологов, философов, экономистов, социологов, которая должна разработать соответствующие рекомендации и план конкретной работы, рассчитанной на ряд лет».

Музей русского быта; комиссия с участием ученых – социологов, экономистов; план конкретной работы. Шолохов говорит не только об интеллектуальном, он говорит об устройении быта, укреплении уклада русской жизни.

Не случайно не только письмо Шолохова, но и его вопрос: «Когда там, по вашим учебникам, Гражданская закончилась? В двадцатом? – спрашивал младшего сына Михаила. – Нет, милый, она и сейчас еще идет. Средства только иные. И не думаю, что скоро кончится».

Но не советское воевало с русским... не советское... советское и русское с одной стороны были. Советское на русском стояло. И били и били в русское именно.

Но воля против русского, обличители рубили сук, на котором сидели. И вот, когда уже затрещал «сук» и вспыхнул, еще и тогда не сдалась русская литература, не отступила. Еще и тогда русская литература жила, потому что надо было жить – «надо было жить и исполнять свои обязанности» (Фадеев, «Разгром»). Повесть Распутина тому свидетель.

Это все очень важно понимать и сегодня. «Либералам» бы, так называемым, надо понять! Даже и та, хилая сегодняшняя государственная конструкция, позволяющая вам, господа либералы, не худо и не бедно существовать и добивать израненное, чудом под сдулом выживающее русское, – хилая конструкция сегодняшнего государства, она все так же, как и в советское время, стоит и держится исключительно тем, что живо русское, а русское сегодня – едва жива, выживает – под сдулом.

Опомнитесь, один раз (нынешнее поколение) вы это уже проходили: потеря русского – это потеря самой возможности жить.

Да – Русское неунитожимо. Не может быть уничтожено на Русской земле, как бы Русская земля ни называлась – Российской Империя, РСФСР, РФ.

Но восстановление русского в его естественных на Русской земле правах – это всегда великие страдания и великие жертвы с обеих гражданских сторон. Я понимаю, вам, «либералам», не жаль русского народа... Себя пожалейте... Каких вам еще уроков?!

А «Разгром» Фадеева и «Как закалялась сталь» Островского – они тоже не открывали никаких проектов. Они, как и должно русской литературе, – зеркально отражали время, состояние человека и общества. Да – русской литературе. Все это нормальная, настоящая русская литература; Гаидар, кстати, тоже. А вот прочесть эти произведения как произведения русской литературы – это задача важнейшая, в том-то и дело, что на сегодня важнейшая задача.